Тан Фан приблизился к ней:

— А Дун, что с тобой? Заходи, расскажешь.

А Дун лишь еще больше нахмурилась:

— Господин Тан, Госпожа велела передать Вам пирог с водяными орехами и рулетики с тофу.

Пирог с водяными орехами был разрезан на четыре части, сквозь полупрозрачное тесто которых можно было разглядеть кусочки водяных орехов.

Рулетики с тофу представляли собой тонко нарезанный яичный омлет, в который были завернуты приготовленный на пару клейкий рис, сушеные грибы и кубики тофу. Обжаренные на свином жиру, снаружи они были золотистыми и поджаристыми, а внутри – мягкими и сладкими. Очень аппетитно!

Тан Фан заметил, что корзинка была заполнена до краев, и не смог сдержаться от смешка:

— Почему ты сегодня ничего не стащила?

А Дун горько вздохнула, всем своим видом демонстрируя, что его еда – далеко не единственное, что интересует ее в жизни:

— Боюсь, что через два дня я больше не смогу приносить Вам сладости.

Хоть Тан Фан и любил вкусно покушать, на самом деле он был довольно непритязательным человеком и не особо заботился о собственном комфорте. Если ему удобно, то все отлично, а если нет, то и переживать не о чем. Поэтому, услышав слова А Дун, он лишь рассмеялся:

— Что такое? Ты провинилась, и тебя наказали?

А Дун покачала головой:

— Нет-нет. Слышала, Господин возвращается домой вместе с новой наложницей. Госпожа очень расстроена, а еще сестрица А Чун сказала, что когда Господин приедет, Госпожа больше не сможет заправлять всем в доме, а мы не сможем спокойно выходить.

Тан Фан очень удивился:

— Даже если ваш хозяин вернется, разве она не останется Госпожой в доме? И как это коснется ее возможности отдавать распоряжения по столь пустяковым вопросам, как отправка кому-то сладостей?

А Дун подперла рукой подбородок:

— Сестрица А Чун сказала мне еще кое-что, но она велела никому об этом не рассказывать. Поэтому пообещайте, что не проболтаетесь!

Тан Фан взял кусочек пирога с водяными орехами и отправил его в рот, мысленно оценив мастерство повара семьи Ли, а затем с напускным безразличием ответил:

— Тогда не нужно мне говорить. Боюсь, что не смогу удержаться и расскажу кому-нибудь.

В те времена люди взрослели рано, и эта маленькая девочка сейчас как раз находилась в том возрасте, когда просто невозможно удержаться от сплетен, поэтому ей было прямо-таки невтерпеж поделиться с кем-нибудь секретом. Она не могла держать все в себе. Услышав, что Тан Фан не хочет быть посвящен в эту тайну, она еще больше насупилась:

— Тогда… Тогда не рассказывайте никому из тех, кого я знаю! Остальные уж точно не смогут догадаться, что это я Вам проболталась!

Тан Фан рассмеялся:

— Хорошо-хорошо! Скорее расскажи мне.

— Я слышала, как сестрица А Чун говорила, – принялась рассказывать А Дун, – что с тех пор, как Госпожа вошла в семью Ли, она не сделала ничего для мужа. Даже молодой господин Лин был рожден от наложницы Господина. Поэтому Господин грозится развестись с Госпожой. Но из-за того, что двоюродный брат Госпожи – чиновник, Господин боится пойти на это. Но на этот раз Господин вернется с наложницей. Слышала также, что она беременна, поэтому наша Госпожа в печали. Мы должны ходить вокруг нее на цыпочках. Сестрица А Чун велела мне больше не приходить к Вам и ничего не передавать, чтобы случайно не встретиться с Господином. Он может неправильно понять. Не ровен час, и Вас вовлекут в эти разборки.

Тан Фан очень удивился:

— Даже если и так, твоя Хозяйка столько лет была частью семьи Ли. Пока твой Господин в разъездах, она занимается домашними делами. Как Господин так просто может отослать ее, как какую-то служанку?

Госпожа Ли, которую он знал, была совсем не похожа на человека, подвергающегося издевательствам и унижениям, который боится и слово молвить.

Но А Дун была лишь маленькой девочкой, поэтому не поняла слов Тан Фана. Подумав некоторое время, она ответила:

— Сестрица А Чун говорила, что давным-давно с семьей Госпожи что-то произошло, и им нужны были деньги. Много денег. И никто был не в силах им помочь, поэтому наш Господин отдал все свои сбережения семье Госпожи. Впоследствии из-за этого состояние его собственной семьи пошатнулось, и Господин не смог продолжить обучение на чиновника, потому Госпожа до сих пор чувствует себя обязанной Господину.

Конечно же, слуги не должны были перемывать косточки своим господам и обсуждать их семейные проблемы в разговорах с посторонними. Но А Дун была еще слишком мала и считала Тан Фана своим человеком. К тому же она видела, насколько депрессивная атмосфера царит в семье Ли в последнее время, поэтому никак не могла в тайне не пожаловаться Тан Фану.

Сам того не желая, Тан Фан вдруг оказался посвящен в семейные дела семьи Ли. Когда он услышал о том, что Ли Ман планирует развестись с женой и завести наложницу, он не мог не провести аналогию с Чжэн Чэном и Чжэн Сун. Но сейчас оказалось, что в прежние времена Ли

Ман поступил очень благородно и потратил все свое состояние на помощь семье своей жены.

У всего есть причина и следствие. Если А Дун сказала правду, то, будучи мужчиной, Тан Фан мог понять ход мыслей Ли Мана: Императорский экзамен для ученого – самая важная вещь в жизни. Когда муж и жена были влюблены друг в друга, он потратил на семью жены все свое состояние. В результате ради того, чтобы прокормить собственную семью, ему пришлось бросить учебу и податься в торговцы. Но со временем их чувства угасли, и он понял, какую ошибку совершил, бросив учебу и лишив себя возможности сдать Императорский экзамен. Конечно, торговцы имели много денег, но, по сравнению с учеными, их социальный статус был намного ниже. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он пожалел о содеянном. В конце концов, он тоже был человеком и не был готов жертвовать собой, не получая ничего взамен.

Так или иначе, это были внутренние дела семьи Ли, которые Тан Фана никак не касались. Господин Тан просто слушал сплетни и между делом представлял себе ход мыслей Ли Мана. Но конечное же, он не стал обсуждать подобное с такой маленькой девочкой, как А Дун. Вместо этого он сказал:

— А Дун, ты можешь рассказать мне, но больше никому не говори. Иначе, если твои хозяева узнают об этом, тебе не поздоровится.

А Дун закивала головой, как цыпленок, клюющий рис:

— Кроме Вас, я никому не расскажу!

Тан Фан отправил в рот очередной кусок пирога с водяными орехами и кивнул:

— Вот это правильно.

Он никогда не был заносчивым человеком, поэтому несмотря на то, что был знаком с А Дун всего несколько дней, он мог вести себя с ней абсолютно непринужденно.

Только сейчас А Дун осознала, что за время их разговора Тан Фан ни на секунду не переставал жевать. Схватив корзинку, она заглянула в нее и замерла в удивлении.

Весь пирог с водяными орехами был съеден подчистую!

Но она своими глазами видела, как медленно господин Тан ест!

Заметив, как маленькая девочка с удивлением смотрит на него, открыв рот, господин Тан смущенно улыбнулся:

— Я сегодня поздно вернулся из префектуры, не успел поужинать.

А Дун начала отчитывать его совсем как взрослая:

— Господин, так не пойдет. Нельзя есть одно мучное. Вы должны есть кашу, рис или что-то еще!

Тан Фан сделал невинное лицо:

— Но я редко ем дома. Все, что я умею готовить – это пшенная каша. Если я каждый день буду

есть одну кашу, то боюсь, на работе у меня голова кругом пойдет от голода.

А Дун с сочувствием посмотрела на него и, засучив рукава, решила ему помочь:

— У Вас на кухне есть какие-нибудь продукты? Я чего-нибудь Вам приготовлю! – сказав так, она не стала дожидаться, пока Тан Фан ее остановит, и быстро-быстро побежала на кухню.

И хотя А Дун была еще ребенком, а госпожа Ли никогда не была жестокой по отношению к слугам, она была с самого раннего детства продана в семью Ли и умела выполнять основную работу по дому. Дети из бедных семей очень рано взрослели и начинали заниматься домашним хозяйством, а без умения готовить выжить было вообще невозможно.

Меньше, чем через полчаса, перед Тан Фаном появилась миска ароматного жареного риса с зеленым луком и яйцом.

Свежесваренный на пару рис был тщательно обжарен. Кроме него на кухне Тан Фана девочка отыскала два яйца и зеленый лук, который тот как-то купил по пути домой. Не густо, но жить можно.

Если так посмотреть, А Дун была настоящим маленьким поваренком.

Тан Фан все-таки был мужчиной, поэтому конечно же не мог наесться одним пирогом с водяными орехами. Глядя на тарелку жареного риса с яйцом, он не стал скупиться на комплименты:

— А Дун, ты прям второй Йи Я (известный повар периода Весен и Осеней, 7 век до н.э)!

— Что такое «йия»? – растерянно спросила А Дун. – Оно съедобно?

— Не важно, – ответил Тан Фан после некоторой паузы. – Но ты и так здесь сильно задержалась. Не пора ли вернуться? А то ваша Хозяйка тебя потеряет.

На самом деле ему очень нравилось общаться с этой девочкой А Дун. Намного приятнее, чем с той же А Ся.

Каждый день в префектуре ему приходилось разбирать горы документов: грабежи, убийства, членовредительства… — все это крайне негативно сказывалось на его психическом состоянии, а болтовня после работы прекрасно помогала снять напряжение. Но А Дун не была служанкой Тан Фана и не могла постоянно оставаться с ним.

А Дун показала ему язык:

— Ничего страшного, я еще маленькая, поэтому мне все равно будет нечем заняться, когда вернусь. Сестрица А Чун и другие очень любят меня. Но, пожалуй, я все-таки пойду, а то сестрица А Чун меня отругает!

Отправив непоседливую А Дун домой, Тан Фан попробовал жареный рис с яйцом и с удивлением обнаружил, что он действительно достаточно вкусный. По крайней мере лучше, чем его собственная стряпня.

После смерти родителей, чтобы обеспечить сестре безбедную жизнь в браке, Тан Фан отослал двух оставшихся слуг в ее новую семью. У него не осталось никого, и, будучи одиноким, он жил достаточно простой жизнью. Тан Фан регулярно нанимал временных работников, чтобы те убирались у него в доме, а если было время, то делал это сам. Ел он в большинстве случаев в городе. Хоть Тан Фан и любил покушать, его кулинарные таланты ограничивались лишь безвкусной рисовой кашей – вот уж действительно кому не позавидуешь!

Но сейчас он начал всерьез задумываться о приобретении кухарки, чтобы каждый день по возвращении домой его уже ждал горячий ужин.

Она необязательно должна обладать мастерством повара семьи Ли. Было бы вполне достаточно и скромного кулинарного таланта, как у А Дун.

В это время А Дун с корзинкой в руках, весело мурлыча себе под нос какую-то незатейливую мелодию, возвращалась в дом семьи Ли. Но стоило ей зайти во двор, как она тотчас столкнулась с А Чун, выходящей из покоев Госпожи. Девушка впилась глазами в А Дун, и та, скорчив виноватую рожицу, заискивающе улыбнулась А Чун:

— Сестрица А Чун, ты еще не ела? Пойду сбегаю на кухню, принесу тебе чего-нибудь!

А Чун легонько стукнула ее по лбу:

— Ты опять бегала к господину Тану, да? Лишь бы не работать! Господин Тан занятой человек, ему некогда возиться с такой маленькой девчонкой, как ты. Не думай, будто я не знаю, что ты таскаешь у него сладости. Господин Тан слишком хороший человек для того, чтобы сделать тебе замечание. Не наглей! В последнее время у Госпожи плохое настроение, поэтому мы должны быть очень внимательны!

— Да-да, я знаю! – А Дун понимала, что А Чун только с виду такая сердитая. На самом деле, она ни капельки не злилась на А Дун, поэтому та просто продолжала согласно поддакивать. Заметив поднос с нетронутой едой в ее руках, девочка спросила: – Госпожа снова отказывается есть? Но разве сегодня очередь не А Ся? Почему ты принесла еду?

А Чун вздохнула и, отведя ее в сторонку, шепотом ответила:

— С тех пор, как господин Тан отверг ее, она очень расстроена, у нее все из рук валится. Я боюсь оставлять ее с Госпожой, поэтому выручаю, как могу. Что касается Госпожи, боюсь, помочь ей мы не в силах, поэтому ты пока не ходи к господину Тану. Господин скоро вернется, да еще и не один. Нужно обязательно освободить новые покои. Ты девочка сообразительная, лучше помоги там прибраться!

А Дун коротко кивнула, а затем произнесла:

— Сестрица А Чун, ты иди покушай, а я тут побуду.

— Там еще посуду надо забрать! – ответила А Чун.

— Да заберу я, заберу! – вытолкала ее А Дун.

У А Чун не оставалось иного выбора, кроме как пойти отнести поднос на кухню.

Стоило ей уйти, как вернулась А Ся.

— Сестрица А Ся, – окликнула ее А Дун, – почему ты такая бледная? Плохо себя чувствуешь?

После того как Тан Фан отказался принять А Ся в качестве наложницы, она ходила все время какая-то вялая, но сегодня казалась еще бледнее, чем обычно.

А Ся заставила себя улыбнуться:

— Нет, у меня просто эти дни, и живот болит.

А Дун в недоумении моргнула: она пока была слишком мала, чтобы понять, о чем речь. Но постоянно слыша эту фразу из уст взрослых девушек, она знала, что это значит что-то неприятное:

— Тогда иди отдохни, я и сама справлюсь.

— Ничего страшного, – А Ся коснулась рукой головы. – Где А Чун?

— Сестрица А Чун очень занята, – ответила А Дун. – Даже не успела поужинать, поэтому я отправила ее поесть.

— А Госпожа что-то говорила? – спросила А Ся.

— Сестрица А Чун сказала, что Госпожа к еде даже не притронулась. Но из ее покоев надо еще посуду забрать. Как раз собиралась зайти.

— Я сама схожу, – сказала А Ся, – Подожди здесь, поможешь мне отнести посуду на кухню.

— Хорошо! – улыбнулась А Дун.

Провожая А Ся взглядом, А Дун размышляла о том, какие же все-таки неприятные эти «эти дни»: сестрица А Ся даже ходила как-то по-другому. Наверняка ей было очень больно. Подумав о том, что в будущем ей тоже придется столкнуться с ними, девочка поежилась.

***

Послесловие автора:

Будущий домочадец господина Тана уехал в командировку. Вернется через несколько дней. Господин Тан действительно жалок! Такой гурман, а готовить умеет только рисовую кашу…

Небольшое отступление (большое-большое!):

Как-то давно я говорила, что хочу в следующий раз поговорить о гаремах времен династии Мин. Но из-за своей лени продолжала вас обманывать. Сейчас я осознала, что так больше продолжаться не может. Я должна выполнять обещания. Я же хороший ребенок, ха-ха-ха ~

Когда разговор заходит о императрицах и вдовствующих императрицах времен династии Мин, многие полагают, что в то время гаремы не играли особой роли и не сильно влияли на ход истории. По крайней мере, они не имели такой власти, как во времена династий Тан и Сун. На

самом деле, это не так.

Хороший тому пример: императрица Чжан, жена императора Мин Жэньцзуна.

Мин Жэньцзун, или Чжу Гаочи, был сыном Чжу Ди, а госпожа Чжан – его невесткой.

Когда Чжу Гаочи был еще только наследным принцем, он был слишком толст, чтобы ездить верхом и стрелять из лука, поэтому Чжу Ди его недолюбливал и даже хотел лишить титула, но, благодаря заступничеству госпожи Чжан, все обошлось.

Каким человеком был Чжу Ди? Он помог своему отцу захватить власть, а затем и сам отнял трон у племянника. Он был человеком с жестким и властным характером, с которым нелегко иметь дело. Но госпожа Чжан смогла заполучить его расположение и расположение вдовствующей императрицы Сюй. И, судя по историческим записям, это было просто невероятно.

Так что, жениться на хорошей жене очень важно для мира в стране и в семье.

Меня опять куда-то не туда понесло. Продолжим наш разговор о госпоже Чжан. Сохранилась такое высказывание о ней, как об императрице: «Что о внешних делах, что о внутренних – обо всем прекрасно осведомлена». Что это значило?

Госпожа Чжан была в курсе всех внутригосударственных и внешнеполитических вопросов, вне зависимости от их важности и масштабов. Единственным, кто мог ей о них рассказать, был ее муж, Чжу Гаочи.

Чжу Гаочи не только по собственной воле рассказывал ей обо всем, но и спрашивал ее мнение. А теперь вспомним времена династии Сун: боюсь, даже знаменитая вдовствующая императрица Лю не могла похвастать такой властью.

После смерти Чжу Гаочи императором стал сын госпожи Чжан, Чжу Чжанджи, а сама госпожа Чжан заняла пост вдовствующей императрицы и продолжала принимать активное участие в решении политических вопросов. Во всех государственных делах ее сын по-прежнему должен был спрашивать совета матери, а та никогда не упускала возможности лишний раз поучить императора и тем самым внесла огромный вклад в историю династии.

Конечно, происходило это все тайно. Она была слишком осторожной, чтобы открыто заявить о том, что вмешивается в политику.

Во времена династии Мин было очень легко заставить людей поверить в то, что гарем не имеет никакой власти. Единственной, кто оставила свое имя в истории, была властолюбивая Благородная наложница Ван, на самом деле не принимавшая особого участия в управлении страной.

Конечно же, было бы ошибочно полагать, что все так и было на самом деле. Во времена династии Мин во многих вопросах, как, например, выбор наследного принца, приходилось советоваться со вдовствующей императрицей. Властная вдовствующая императрица могла полностью взять под контроль весь Кабинет министров. Примером тому может служить все та же госпожа Чжан, или правящая в более позднее время госпожа Сун.

Только из-за того, что во времена династии Мин большинство девушек для императорского гарема набирали из обычных семей, кругозор у них был весьма ограниченным. Большинство из них начинали учиться поздно, только попав во дворец. Да и учили то они чаще всего только

«Четыре книги поучений для женщин», установленных императором-основателем династии Мин и заповедовавших женщинам никогда не вмешиваться в политику.

Госпожа Чжан же, активно вмешивающаяся в государственные дела, обладала достаточно широким кругозором и высоким авторитетом. Министры даже обращались к ней с просьбой присутствовать на заседаниях Кабинета министров вместе с императором и стать его регентом, но вдовствующая императрица Чжан лично отвергла это предложение. (Она сказала: «Не попирайте законов, данных нам предками».)

С другой стороны, хотя ее муж уродился не особо симпатичным (он был толстоват), помимо нее, у него было немало наложниц. Но императрица Чжан была умна и хитра, так что даже трон мужа принадлежал ей. После его смерти она стала вдовствующей императрицей, а затем и Великой вдовствующей императрицей, и сын, и внук почитали и беспрекословно подчинялись ей.

Что касается Благородной наложницы Ван, то она, обладавшая особой властью над императором, на самом деле, не особо вмешивалась в государственные дела и производила достаточно неприятное впечатление. Все упоминания о ней сводятся к: «Вау, та самая наложница, которая была старше императора на 16 лет и была его фавориткой?»

А на деле, в чем для Благородной наложницы Ван заключалось преимущество быть фавориткой? Хоть Чжу Цзяньшэнь (Чэнхуа) и любил ее, но, помимо нее, у него было полно и других женщин, которые родили ему множество сыновей. Разве могла Благородная наложница Ван быть на самом деле счастлива?

Поэтому, с моей точки зрения, такие люди, как госпожа Чжан, являются настоящими победителями по жизни.

Кажется, я слишком заболталась. Слишком много слов, да? Тогда, на этом остановимся. Поболтаем еще как-нибудь в другой раз ~

***

Примечания переводчика:

Ха-ха, узнаю себя в Тан Фане: покушать люблю, а вот готовить – нет. И этот его девиз по жизни: «Если удобно, то все отлично, а если нет, то и переживать не о чем» - так и живу. Если кормят – здорово, если нет – буду голодать и жевать хлеб со всякой гадостью. Не умерла – и то вперед)

Не самом деле, не очень хороший подход к жизни. Я пытаюсь исправиться, да~ Но как-то стимула недостает. Плюс тут еще и мой любимый персонаж вдруг оказался таким же «непритязательным человеком». Как тут исправляться?

(простите, я, кажется, тоже заболталась)

Суй Джоу! Нам тебя очень не хватает! Возвращайся поскорее!

http://tl.rulate.ru/book/50212/1331036